

Б 42
302/1

МИХАИЛ БЕК

Ж И В Е Т Р О Д И Н А

ИСКУССТВО

МИХАИЛ БЕК

ЖИВЕТ РОДИНА!

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ,
ТРЕХ КАРТИНАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
1942

302/1

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Радислав Гавличек, 53 лет — мастер завода.

Ванда, 50 лет — его жена.

Ян, 25 лет — чертежник завода } их дети.

Владек, 10 лет — школьник }

Любуша, 23 лет — учительница начальной школы, дальняя родственница Гавличек, живущая в их семье.

Вацлав, 23 лет — судетский чех, служащий.

Лейтенант германской армии.

Унтер.

1-й, 2-й солдаты } немцы.

Военный фельдшер }

Немецкие солдаты, чешский народ — за сценой.

Место действия — промышленный город в Чехии.

Время действия — наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Столовая и одновременно спальня в квартире Гавличек. Две двери — в переднюю и в соседнюю комнату. 1-й этаж. Окна выходят на улицу. Обстановка скромная, почти бедная. Чисто, порядок, во всем чувствуется заботливая рука хозяйки. На окнах спущенные занавески. Полдень — время заводского перерыва на обед. Радислав и Ян играют в шашки.

Радислав. Ну, что же ты! Твой ход... Думай скорей, а то не успеем доиграть. (Смотрит на часы.) Мне скоро обратно на завод!

Ян (делает ход). Пошел.

Радислав. Как же ты ходишь! Бью! (Снимает шашку.)

Ян (всматриваясь в игру). А я... две. (Снимает.) И дамка.

Радислав. Так... Стало быть, у меня теперь вроде как прорыв на правом фланге... А я вот так... Пошлем кавалерию. (Делает ход.) ...Так как он насчет славян-то?..

Ян. Самая, говорит, низшая раса! Нужно, говорит, всеми силами остановить ее плодovitость!

Радислав. Ишь ты! (Смеется.) Стало быть, не хочет, чтобы размножались...

Ян. Я, говорит, указываю немецкому народу на грозящую ему смертельную опасность быть поглощенным славянскими народами.

Радислав. Смертельную! Ишь ты! Значит, боится он славян! *(Играют.)*

Ян. Пошел.

Радислав. Ты мою шашку бери. Бить надо!

Ян. А если я прозевал?

Радислав. Не имеешь права зевать... не разрешается. *(Ян снимает с доски шашку, Радислав снимает две.)* Ну, вот я и ликвидировал прорыв на правом фланге. Теперь посмотрим, чья возьмет. *(Играют.)* А по мне, славяне, немцы, французы, евреи — все одно... был бы человек хороший, не мошенник, работающий... Каждый народ имеет право свободно жить на своей земле, как ему хочется, а не как Гитлер велит. Скажем, — чешский мастер, чем он хуже немецкого? Может, даже и получше. Немцы недаром за наш завод уцепились!

Ян. А завод-то и старается, работает на немцев... Словно ничего не случилось! Простивно!

Радислав. Стараются, потому что есть хотят!

Ян *(горячо)*. Есть хотят! А есть скорое совсем будет нечего. Немцы все обобрали. Повсюду так и рыскают, всех грабят. А

сколько крестьян ушло в горы — в партизаны. Да разве можно в такое время...

Радислав *(перебивая)*. Да ты подожди, не горячись! Сел играть, так играй, а то мне скоро итти...

Ян *(решительно встает)*. Не идет мне игра на ум... Я хочу с тобой, отец, поговорить об очень важном деле.

Радислав. Чего же ты вскочил! Поговорим... Только ты сначала партию доиграй. Больно ты нервный стал.

Ян. Не нервный я, а сидит вот тут у меня *(указывает на голову)* одна штука! *(Тихо.)* Про тебя, отец, нехорошо на заводе говорят. О твоем усердии в работе, о слишком хороших отношениях с немцами. Ведь наш завод военный, снабжает немецкую армию... Конечно, это сплетня, но все же...

Радислав. Сам же говоришь, сплетня! Ну, и чорт с ней! Сплетня, она ползучая, разве с нею справишься... Пусть говорят...

Ян. Но в этих разговорах кое-что и меня смущает... Зачем ты работаешь так много и так усердно? Ведь военные заказы, которые выполняет наш завод, снабжают немецкую армию... против Советского Союза. А ты, говорят, как мастер, слишком требователен к рабочим. Все это...

Радислав *(перебивая, спокойно)*. Я

всегда любил свою работу и всегда был требовательным и к себе и к рабочим.

Ян. Но теперь такое усердие на заводе, изготовляющем оружие врагу, похоже на предательство.

В открытое окно слышится громкая песенка, отчетливо исполняемая несколькими молодыми голосами. Оба прислушиваются.

У мастера в заводе есть пинчер на приводе
С погонами сержанта гестаповского франта.
Наш мастер с ним гуляет, в нем душеньки не
чает.

Меж ними лад и дружба... Усерднейшая служба.

Ян *(взволнованно)*. Слышишь? Слышишь? Это ведь про тебя! *(Бросается к окну. В окне раздается мяуканье. Кричит в окно.)* Эй, вы! *(К отцу.)* Смотри, они разбежались в разные стороны! Это заводская молодежь! Чорт знает что такое!..

Радислав *(перебивая неестественным смехом)*. Ха, ха, ха! Ловко подлецы придумали! «Меж ними лад и дружба... Усерднейшая служба!» Ха, ха, ха!

Ян *(взволнованно)*. Как ты можешь смеяться? Как ты можешь...

Радислав *(перебивая)*. Да не волнуйся ты из-за пустяков! Сам же видишь — молодежь! Надо же ей и повеселиться, и попеть, и пошутить! Ничего в этом нет плохого! *(Идет, останавливается в дверях.)* Чепуха все

это, а вот, что в шашки мы не доиграли, — это нехорошо! (Уходит.)

Я н. Нехорошо, что в шашки не доиграли... Нет, тут что-то неладно! Он стал каким-то странным... И мать в последнее время ведет себя с немцами как-то не так... (Громко, с молодым надрывом.) Неужели, неужели оба забыли, что они прежде всего чехи, униженные, порабощенные немцами чехи! Если это так, какой позор для нашей семьи, какой позор! (Убегает.)

Пауза. Из соседней комнаты выходит Ванда.

Ванда (осматривает комнату). Как играли, так все и бросили! Да и я тоже, со стола до сих пор не прибрано... Рук нехватает с этими очередями в магазинах. (Убирает со стола. В окне показывается голова Владека. Он карабкается на подоконник, влезает в комнату и бежит к матери.)

Владек. Мама! Что случилось!..

Ванда. Владек, почему ты ушел из очереди? Ты же знаешь, что у нас на сегодня ничего нет!

Владек. Мама, до очереди ли мне, когда такое случилось, такое случилось...

Ванда (перебивая). Опять ты чего-нибудь натворил.

Владек. Ничего я не натворил. Я поступил, как честный человек... а вот этот са-

мый... ну, который немцам продался... прежде все к Любуше ходил, как его...

В а н д а. Вацлав.

В л а д е к. Да, Вацлав. Вот он хотел натворить, а я ему не позволил... Передо мной в очереди стояла девочка... У нее больная мать... Они очень бедные... и им нечего кушать. А Вацлав взял и выгнал ее из очереди, а на ее место поставил какую-то женщину с намазанными губами...

В а н д а. Ну...

В л а д е к. Ну, девочка заплакала, а я, конечно, заступился за нее и назвал Вацлава дураком. А он позвал немецкого солдата. А солдат больно дернул меня за ухо и потащил, а я закричал: «Пусти, фашистская морда!» Ведь мне было очень больно. И они потащили меня из очереди и все за ухо — видишь, — ухо красное и горит... А я ударил солдата... А они позвали немецкий патруль, чтобы меня арестовать, но за меня заступилась вся очередь. Там и наша Любуша была... Я вырвался и убежал... Но я еще успел им крикнуть: «немецкие свиньи»...

В а н д а (печально). Ах, Владек, вечно из-за тебя неприятности. (Слышится стук в дверь, оба настораживаются.) Уж не за тобой ли? (Отпирает дверь. Входит взволнованная Любуша.)

Л ю б у ш а (Владеку). Ты дома? Как я

за тебя перепугалась. И когда только кончатся эти безобразия! Весь город полон немецких солдат, они делают все, что им вздумается...

В л а д е к. Они не смеют так с нами обращаться.

В а н д а. Да не волнуйся ты, Владек. Ты сам любишь задира́ть людей.

Л ю б у ш а. Тетя! Владек не виноват! Они не смеют так обращаться с чешскими детьми. Вся очередь заступилась за Владека. Все возмутились, кричали... Дело дошло почти до драки, нескольких рабочих арестовали. Могут притти и за Владеком. Вацлав, наверное, укажет им наш адрес.

В л а д е к. Не боюсь я их!

В а н д а. Помолчи, успокойся! (Любуше.) Радислав работает на военном заводе. Он считается лучшим мастером. Немцы уважают его и ценят его работу. Нашу семью не тронут, не беспокойся.

Л ю б у ш а. Не верят они чехам, в особенности с тех пор, как началась война с Советским Союзом. И дяде они тоже не верят...

В л а д е к (перебивая). Папа, наверное, тоже вредит им на заводе, как и все честные патриоты.

В а н д а (резко). Замолчи ты, наконец. Своими дурацкими выходками и болтовней ты только портишь папе. Его немцы ценят, а ты кричишь «немецкие свиньи». Еще поду-

мают, что тебя этому дома научили. Тогда и отцу, и нам всем не поздоровится. И ты тоже хороша, Любуша! Он и так горячий, а ты его еще больше подогреваешь.

Любуша (*слегка иронически*). Да! Он не в мать. У него, действительно, горячее сердце.

Ванда. Ты еще молода и не понимаешь, что иной раз лучше стерпеть и смолчать, чем ругаться и шуметь. (*Любуша пожимает плечами.*) Если они сюда придут, говорить с ними буду я сама, потихоньку, по-хорошему.

Владек. Пускай приходят, я все равно убегу.

Ванда. Убегают только трусы, а ты должен быть храбрым, как папа и Ян. Веди себя тихо, спокойно и не лезь в наши разговоры, и я надеюсь, что все обойдется благополучно.

Любуша (*с укоризной*). Не понимаю я тебя, тетя! Нашу культурную страну превратили в немецкую колонию. Все честные люди возмущены проклятыми немцами. Все стараются всячески вредить им, а ты заботишься о положении дяди на заводе, о том, чтобы не уронить его и себя в глазах немцев.

Ванда. Опять говорю — молода ты еще, Любуша. Горячностью тут не возьмешь. Тут надо вести себя тонко.

Слышен сильный стук в передней.

Любуша. Это они.

Владек бросается к окну и хочет выпрыгнуть.

Ванда. Владек! Не будь трусишкой, оставайся!

Владеку поколебавшись, остается и садится на диван.
Входят лейтенант и Вацлав.

Лейтенант. Гавличек живет здесь?

Ванда. Господин Вацлав хорошо знает дорогу к нашему дому. Он правильно привел вас, господин лейтенант. Входите, милости просим... Может, кофе желаете? Я мигом приготавливаю.

Лейтенант. Благодарю, нам некогда. *(Садится. Вацлав становится рядом с ним.)*
Вы мадам Гавличек?

Ванда. Я, господин лейтенант.

Лейтенант. Ваш муж работает на заводе?

Ванда. Да, он мастер военного завода. Только его дома сейчас нет, он на работе. Может, за ним послать?

Лейтенант. Нет, мастер не надо. К мастеру нет дела. Дело есть к ваш сын.

Ванда. Ах, к моему Владеку? Уж до чего он у меня шаловливый ребенок, просто беда с ним!

Вацлав шепчет что-то лейтенанту.

Лейтенант. Нет, нет, нет, мальчик шалил, об этом будем говорить. Я имею сейчас

дело к ваш сын Ян. Он вступил добровольцем в чешскую армию крестового похода прогив большевиков.

В л а д е к (*изумленно вскрикивая*). Ян?!

В а н д а. Владек, не мешай нам разговаривать.

Л е й т е н а н т (*строго взглянув на Владека, повторяет*). В чешскую армию крестового похода против большевиков.

Л ю б у ш а. Странно! Он нам ничего об этом не говорил!

Л е й т е н а н т. Он записался третий дечь и до этой минуты не являйся штаб формирования. Я желаю видеть господин Ян.

В а н д а. Третий день! Может быть, что-нибудь перепутали?! (*Подозрительно смотрит на Ваулава.*)

В л а д е к. Мама, ну разве ты не видишь, что он врет. Да разве Ян пойдет к ним добровольцем!

В а н д а. Замолчи, скверный мальчишка!

Л е й т е н а н т (*строго Владеку*). Фуй, скверный, невоспитанный мальчишка!

В а н д а. Простите его, господин лейтенант. Уж очень он озорной. Послала его утром в очередь, а он там что-то набезобразничал. Сейчас вот сидит, наказанный...

Л е й т е н а н т. Очень хорошо, что наказанный. Я все знаю. Он оскорбил германский

зольдат. Его надо в колоний для малолетний преступник.

Любуша (*перебивая*). За что? Он спокойно стоял в очереди. Все произошло вот из-за этого господина. (*Указывает на Вацлава.*)

Вацлав. Еще бы! Он назвал меня дураком, а немецких солдат свиньями.

Лейтенант (*морщась*). Пфуй, не повторяйт глупостей этот мальшишка!

Ванда (*выступая вперед*). Владек заступился за бедную девочку, которую вы, господин Вацлав, ни за что выгнали из очереди. Если бы германский солдат знал это, он, по своему благородству, не стал бы вам помогать, а заступился бы за Владека, потому что германские солдаты сами благородно поступают и понимают благородство других.

Лейтенант (*довольный, улыбается Вацлаву*). Да, это нехороший событие.

Вацлав хочет что-то сказать, но Ванда перебивает его.

Ванда. А насчет Яна, не беспокойтесь. Он, наверное, скоро придет.

Лейтенант. Хорошо! Господин Ян должен явиться немедленно штаб формирования. Он записался. Он теперь военнообязан. Передайте ему это.

Ванда. Непременно все передам, господин лейтенант

Лейтенант (*встает, чтобы идти. Взглянув на Владека, Ванде*). Ваш маленький сын должен просить меня прощение. В мое лицо есть германский зольдат, который он оскорбил!

Ванда. Он сам хорошо понимает, что плохо себя вел, господин лейтенант. Владек, проси у господина лейтенанта прощение.

Владек молчит.

Владек, ну!

Владек (*почти шопотом, с большой внутренней борьбой*). Не могу я, мама!

Ванда. А я тебе говорю, чтобы ты сейчас же извинился. Ты должен слушаться, когда мать приказывает.

Владек (*едва слышно*). Простите!

Лейтенант. Это, мальшик, не есть извинение. Надо громко... Говори: простите меня, господин лейтенант германской армии.

Ванда (*холодно*). Ну, повторяй!

Владек. Простите меня, господин лейтенант германской армии.

Лейтенант (*довольный*). Ну, так хорошо! Смотри же, помни! (*Грозит ему пальцем. Ванде*). К вечеру зайду проверить господин Ян. Передайте ему.

Ванда. Хорошо, господин лейтенант. Все передам.

Лейтенант уходит. За ним важно идет Вацлав. Владек бросается на диван и плачет.

Любуша (утешая его). Перестань, Владек, успокойся! (Ванде.). Тетя, как ты могла так унижить мальчика перед этими негодьями.

Владек (сквозь слезы). Немецкая свинья, подлец, мерзавец...

Любуша утешает его.

Ванда (ласково Владеку). Ну, Владек, успокойся! Полно тебе плакать! Придет время, и ты поймешь, что мать твоя правильно поступила. А сейчас ты мне нужен для большого, важного дела. Беги скорее, разыщи Яна и приведи его сюда.

Владек. А где же мне его искать?

Ванда. Где хочешь, только находи скорее и веди сюда. Ну, живей, сынок!

Владек долго смотрит на нее, потом бросается к двери и убегает.

Любуша. Как гадок Вацлав. Превратился в лакея при немцах! И это чех! (С отвращением трясет головой.)

Ванда. А помнишь, как он за тобой ухаживал еще год назад... влюблен был!

Любуша (внезапно). Тетя, тетя! Я живу с детских лет в вашем доме. К дяде и к вам я отношусь, как к родным отцу и матери. Я привыкла любить вас, уважать, верить вам. И вот теперь, в эти дни, я не по-

нимаю вас обоих. Дядя старательно работает на заводе, который изготавливает оружие против родного нам Советского Союза. А ты слишком любезна с этими негодями и унижаешься перед ними. Что все это значит? Разве ты не чешская патриотка?

Ванда. Не время сейчас об этом рассуждать, Любуша. Говоришь, веришь мне и любишь меня — и на этом спасибо. У тебя душа хорошая, чистая. Она тебя не обманет. За окном слышен шум. Любуша бросается к окну.

Любуша. Опять... опять ведут арестованных. *(Смотрит в окно.)*

Ванда *(тревожно)*. Арестованных? Кого?

Любуша. Лиц не видно, не разберешь.

Ванда. Я пойду посмотрю. *(Быстро уходит.)*

Любуша *(одна)*. Почему это тетя так встревожилась? Она только что говорила, что дядю не тронут, что немцы его ценят... *(Смотрит в окно.)* Ничего не понимаю!.. *(Задумалась.)* Красная Армия?.. Неужели это правда? Неужели она нам поможет освободиться от этого проклятого фашистского ига? *(Оглянувшись, вынимает из-за кофточки листовку и читает):* «Целью этой всенародной отечественной войны является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей

страной... наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость и демократические свободы». Так говорит Сталин. (Задумывается.) Так будет, так должно быть.

Вбегает Ян.

Ян. Что случилось? Владек бежит везде и разыскивает меня.

Любуша (холодно). Здесь был немецкий лейтенант. Приходил за тобой. Он сообщил всем нам «приятную новость». Оказывается, ты записался в армию «крестового похода» против большевиков и не удосужился даже сообщить нам об этом. Ян! Что это значит?

Ян. Слушай меня, Любуша! Может быть, я виноват перед вами в том, что скрыл от вас свой поступок... Я поступил сознательно, обдуманно, и от своего решения ни за что не откажусь. Выслушай меня, и ты, наверное, согласишься со мной, поймешь, что иначе я поступить не мог.

Любуша. Дело не в том, что ты скрыл от нас свое решение пойти добровольцем к немцам, дело в самом решении. Как ты мог? Как мог ты поднять руку на Красную Армию?

Ян. На Красную Армию? Да ты с ума сошла! Я решил идти добровольцем толь-

ко для того, чтобы слиться с Красной Армией и громить фашизм. *(Горячо.)* Не могу, не могу я больше сидеть сложа руки, смотреть на безобразия немцев и показывать врагу кукиш в кармане. Такое поведение годится для трусов и для шкурников. Я перестал сам себя уважать. Я хочу действовать, хочу бороться. Я пойду в армию «крестового похода» и буду агитировать, буду разлагать ее изнутри и в первый же подходящий момент убегу в Красную Армию. И тогда, тогда вот эти руки уложат на месте не одну фашистскую гадину.

Любуша. Разве ты не знаешь, что немцы приковывают к пулеметам тех, кому они не доверяют. Ты чех... они заставят тебя стрелять насильно.

Ян. Стреляют руками, а руки принадлежат мне. *(Берет ее за руки.)* Знаешь, в нашем кружке мы сегодня перехватили радио из Москвы. В Советском Союзе формируется чехословацкая армия. Она будет драться под общим руководством командования советских войск. Наступают, Любуша, решительные дни, надо браться за оружие. Это долг каждого чеха-патриота. Пойми, Любуша, я не один, нас много. Из нашего кружка со мной идут еще четверо ребят. Подумай только! Воевать за свободу нашей родины, войти в ряды своей родной армии!

Как это прекрасно! *(Взволнованно ходит по комнате.)*

Любуша. А если твой план провалится?

Ян *(горячо)*. Пусть, пусть тюрьма, расстрел! Зато умру с чистой совестью.

Любуша невольно прижимается к его груди. Ян смущен, он ласково отстраняет ее.

Любуша *(тоже смущена)*. Что же это я так расчувствовалась! *(Их глаза встречаются, они долго смотрят друг на друга и вдруг бросаются друг другу в объятия.)*

Ян *(смущенно)*. Вот так штука! Как это у нас вышло, неожиданно!

Любуша. Это не неожиданно. Не говори так. Мы оба хорошо знаем, что давно любим друг друга... Только почему-то молчали,.. не до этого было. А сейчас меня увлек твой порыв... а потом вдруг стало за тебя страшно... *(Прижимается к нему.)*

Ян. Не надо бояться. Надо смело глядеть вперед. *(Увлекаясь.)* Будем вместе бороться за освобождение нашей родины, за освобождение всего человечества! *(Горячо обнимает ее.)*

Быстро входит Ванда. Ян и Любуша отстраняются друг от друга.

Ванда *(делая вид, что не заметила их)*

смущения). Наконец-то ты пришел! Мне нужно поговорить с тобою, Ян.

Ян. Я давно здесь, мама. Любуша рассказала мне, в чей дело. Я объяснил ей свой поступок. Позволь объяснить и тебе.

Ванда. Не надо мне объяснять. Я и сама понимаю, зачем ты записался в добровольческую армию. Но хорошо ли обдумал ты свое решение, Ян? Почему ты не захотел поговорить со мной, с отцом, посоветоваться с нами?

Ян (запинаясь). Потому, что за последнее время и ты и папа как-то странно ведете себя и совсем не интересуетесь нашими общественными делами...

Ванда (перебивая). Конечно, ты взрослый человек, Ян, и мы с отцом не можем запретить тебе делать так, как ты хочешь. Только смотри, не просчитайся, Ян! Не сыграй наруку немцам. Раз ты записался добровольцем, значит, поддержал этот самый их «крестовый поход», и выходит, что твоя политика неверная.

Ян. Ты хочешь сказать, что я своим решением оказал политическую услугу немцам?

Ванда. Да!

Ян. Это неверно, я их просто обманул. Смеется тот, кто смеется последним.

Ванда. За тобой могут пойти к немцам и другие непонимающие, несознательные.

Если идет добровольцем сын старого чешского рабочего, то что же тогда с них-то взыскивать? Чего доброго, и впрямь начнут сражаться с Красной Армией.

Ян. Против Красной Армии могут пойти только дураки или мерзавцы.

Ванда. Дураки ли, мерзавцы ли, а убивать будут.

Ян. Мама, пойми! Не могу я больше сидеть сложа руки... Я молод, может быть, слишком горяч, не так хладнокровен, как ты и папа, но я больше не могу. Я должен действовать! И я буду действовать...

Ванда. Действуй, но так, чтобы твой пример не был наруку немцам и во вред нашему народу, нашей родине. Подумай лучше о том, что я тебе сказала... Да... тут к тебе придет этот немецкий лейтенант. Ты уж с ним повежливее, не горячись.

Ян иронически улыбается.

Пойми, Ян. Так нужно... нужно для меня и для отца. (Уходит.)

Ян. Только и думает о том, как бы угодить этой немецкой свинье.

Любуша. Вероятно, тетя говорит так потому, что этот лейтенант будет твоим начальником.

Ян (растерянно). Все мне было так ясно, просто, а теперь опять все запуталось... По-

лучилась, оказывается, «политическая услуга немцам». (Задумывается.)

Любуша (подходя к нему). Милый! С этим вопросом не надо торопиться. Давай обдумаем все как следует, взвесим... (Берет его под руку и ведет в другую комнату.)

Ян (уходя). Да уж и обдумывал, и взвешивал... (Уходят.)

Пауза. Осторожно входит Радислав, за ним Ванда.

Радислав (шопотом) Никого нет?

Ванда (тоже тихо). Они только что вышли.

Радислав. Говоришь, добровольцем? Это он ловко придумал. Молодчина. А главное, что он всему нашему «делу» наруку сыграл! Пусть идет добровольцем!

Ванда. Что ты, что ты, Радислав! Ведь это срам!

Радислав. Погоди, погоди! Я забежал домой на минуточку, оповестить тебя о «деле». (Смотрит на часы.) Через десять минут надо бежать обратно на завод. (Оглядывается.) Постой, надо закрыть окна. (Закрывает вместе с Вандой.) Ну, жена, дело наше идет к развязке. (Ванда внимательно слушает.) Все готово. Начали с агрегатов — сегодня взорвем их к чортовой матери. Плохо только с силовым хозяйством — оно за-

держивает, с ним возни много... Кроме меня к дизелям и подстанции никого не пускают, а мне не разорваться. И за мной-то немецкий сержант по пятам ходит. Каждый шаг с оглядкой делаю. Вот мы и решили, чтобы все дело кончил я сам. Только теперь труднее работать будет. Как агрегаты полетят, нас еще сильнее прижмут... Пойдет большая подозрительность, дохнуть без надзора не дадут...

В а н д а. А когда агрегаты-то?

Р а д и с л а в. Надо ждать вот-вот. Фитили заложены... тлеют... надо теперь готовиться.

В а н д а. А что делать?

Р а д и с л а в. Ничего... ждать. После взрыва начнут, пожалуй, доискиваться, арестовывать... А мне еще хоть на 3—5 дней обязательно надо уцелеть. Пока что мне доверяют и даже расположены ко мне.. да и заменить меня некем. *(Внезапно, другим тоном.)* Так вот — пусть Ян обязательно идет добровольцем. Дело это надо обставить с шумом, и треском, чтобы в газетах было пропечатано, что, мол, сын старого чешского рабочего Радислава Гавличек вступил со своими товарищами в армию «крестового похода» против большевиков. Поняла зачем?

В а н д а. Поняла, поняла!

Р а д и с л а в. Что отец, мол, лучший ма-

стер завода, кует для этой армии оружие, а сын идет своей грудью пробивать дорогу новому порядку... ну и еще там чего-нибудь...

Поняла?

Ванда. Поняла.

Радислав. Только с газетой надо поскорее, чтобы завтра же напечатали...

Ванда. Да, да, поскорее... А срам-то какой. стыдно будет добрым людям в глаза глядеть!

Радислав. Ну, об этом сейчас нечего говорить. Честь свою будем потом восстанавливать. А сейчас побегу на завод, чтобы во время взрыва на месте быть... чтобы на меня меньше подозрений было. Пойдем, проводи меня, дорогой заметку обдумаем... зайдешь в редакцию.

Ванда. Пойдем, пойдем. (Уходят.)

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Та же обстановка. Вечер того же дня.

Любуша (одна ходит по комнате). Тетя права. Нельзя Яну итти добровольцем... В горы, к партизанам — вот наш путь. Там сотни бежавших из тюрьмы, лагерей, много изголодавшихся людей, ушедших от нищеты и разорения. Там надо формировать настоящие добровольческие отряды против немецких захватчиков.

Стук в дверь.

Вацлав (приоткрыв дверь, сладким голосом). Можно войти?

Любуша (холодно). Войдите.

Вацлав. Здравствуйте еще раз.

Любуша. Здравствуйте в первый раз. Утром вы меня не удостоили приветствия. Должно быть, не решились перед вашим лейтенантом быть вежливым с «неарийкой».

Вацлав. Какая несправедливость! Неправильное обвинение. Наоборот, я горжусь знакомством с такой девушкой, как вы!

Любуша. Короче! Вы зачем пришли?

Вацлав. Яна еще нет?

Любуша. Нет!

Вацлав. Дома никого нет?

Любуша. Нет!

Вацлав. Кроме вас?

Любуша. Кроме меня.

Вацлав. Вы теперь всегда здесь. Вы — член семьи Гавличек.

Любуша. Я теперь всегда здесь. Я — член семьи Гавличек. А вы следите?

Вацлав. Это все видят.

Любуша. Но вас это, повидимому, особо интересует?

Вацлав. Любуша, зачем этот тон! Почему вы так отвратительно относитесь ко мне?

Любуша. Вы ошибаетесь. Я к вам никак не отношусь...

Вацлав. Вы изменились ко мне с тех пор, как я занялся формированием чешских добровольцев... Но ведь Ян тоже идет добровольцем, однако ваша «особая» симпатия к нему от этого не пострадала.

Любуша. До моего отношения к Яну вам нет никакого дела. Еще раз спрашиваю вас — что вам угодно?

Вацлав *(приближаясь к ней)*. Любуша! вспомните, как год назад мы с вами сидели на набережной... Вы любовались цветными огнями на реке, а я любовался вами. Я не мог оторвать от вас глаз. О, как я то-

гда любил вас! Любуша! Я сберег мои чувства, они живут во мне и сейчас...

Любуша (перебивая). Это меня не интересует! Я последний раз говорю вам: если вы пришли к Яну, то сидите и ждите его молча. Если же вы пришли только для этих разговоров, то уходите. Я не желаю их слушать. (Хочет идти.)

Вацлав (загораживая ей дорогу). Только одно слово, Любуша! Перемену вашего отношения ко мне надо объяснить тем, что я стал во главе...

Любуша (перебивая). Тем, что вы стали лакеем немецких лейтенантов. Вы всегда были для меня только знакомым, но я уважала в вас чеха. Теперь же вы перестали быть для меня и чехом и знакомым.

Входит Ян.

Ян, тебя здесь давно ждет вот — господин Вацлав.

Ян и Вацлав презрительно осматривают друг друга.

Ян. Что вам от меня угодно?

Вацлав. Господин Ян Гавличек! Я уполномоченный германской военной власти по формированию чешской армии. Вы записались добровольцем, но не явились в срок. Штаб формирования считает вас военнообязанным. Я требую, чтобы вы немедленно отправались на явочный пункт.

Ян. Господин уполномоченный! Передайте вашему штабу, что я являться не намерен. Я отказываюсь от своей записи.

Вацлав (*строго*). Этот отказ может вам дорого обойтись, господин Гавличек!

Ян. Это мне решительно все равно. Передайте, кстати, штабу, что штаб формирования настоящей чехословацкой армии находится в Советском Союзе. Я надеюсь скоро там зарегистрироваться.

Вацлав. Вот как! Хорошо-с! Так и запишем! Это вам даром не пройдет, господин Гавличек... Я принужден буду принять меры... Мои убеждения...

Ян (*перебивая*). Ваши убеждения! Да разве у вас есть убеждения! Впрочем, Гитлер прекрасно научился пользоваться подобными вам мерзавцами, чтобы...

Вацлав. Что-о-о?!

Любуша. Ян, Ян, будь сдержаннее... молчи...

Вацлав. Вы поплатитесь за ваши слова...

Сильный стук в дверь. Входит немецкий лейтенант.

Лейтенант. Здравствуйте, господа! (*Общее молчание. Лейтенант хмурится.*) Где есть госпожа Гавличек?

Любуша. Она сейчас придет, господин лейтенант.

Лейтенант (*осматривает присутствующих. Останавливает свой взгляд на Яне*).
Господин Ян Гавличек?

Ян. Я.

Лейтенант. Вы плохо начинайте ваш служба, господин Гавличек! Это нехорошо. Зольдат германской армии имеет точность повиновения, быстрота выполнения приказ. Это ваш чехи распушенный зольдат. Это пора кончать! Вы — зольдат германской армии, вы не имеет права опоздать на явка часть. Прошу вас сейчас следовать, господин Вацлав.

Вацлав. Господин лейтенант! Осмелюсь доложить, господин Гавличек совсем не намерен вступать добровольцем в нашу армию, он намерен...

Быстро входит Ванда и становится между лейтенантом и Вацлавом.

Ванда. Господин лейтенант! Наконец-то вы пришли. А я уже думала, что вы совсем не придете...

Лейтенант (*перебивая Ванду, строго Вацлаву*). Что вы тут говорит? Как это не намерен?

Ян (*выступая*). Я передумал...

Ванда (*перебивая Яна, отстраняет его, очень любезно лейтенанту*). Я так рада, господин лейтенант, что вы пришли. Стала

собирать Яна к вам в штаб, а сама не знаю, какие вещи полагается брать, какие нет...

Лейтенант (запугался). Вещи... да... Но ваш сын...

Ванда (перебивая его и как бы не замечая недовольства лейтенанта и общего смущения). Уж и хороший солдат из Яна выйдет! Вы будете им довольны. Он исполнит свой долг! (Ян делает движение, она строго смотрит на него.) Что же это я... садигесь, господин лейтенант. Уж вы не откажитесь, выпейте у нас кофе. Любуша, поди поскорей приготовь.

Любуша и Ян с изумлением смотрят на Ванду. В свою очередь, Ванда многозначительно смотрит на Яна.

Ну, вот теперь ты у нас доброволец, Ян. Я очень рада.

Ян. Мама...

Ванда (перебивая). О семейных наших делах потом поговорим. (К лейтенанту.) Пожалуйста, садитесь, господин лейтенант, к столу...

Слышен сильный взрыв, дребезжат окна. Все вскакивают. Общий переполох.

Боже мой, боже мой! Что же это такое?

Все бросаются к окнам.

Смотрите, смотрите, над заводом столбы дыма... муж там, мой муж! (Мечется.)

Лейтенант (*отступивший было к двери*). О, это ничего, ничего!

Ванда. Вы подумайте, ведь там мой муж! (*К детям*.) Отец там!

Лейтенант. Успокойтесь, госпожа Гавличек! (*Вацлаву*.) Идите в штаб.

Вацлав. Слушаю. (*Уходит*.)

Лейтенант (*Яну*). Господин Ян должен быть явочный пункт ровно через один час!

Ян делает движение.

Ванда. Он будет, он будет точно, как вы сказали, господин лейтенант. (*Опять возвращаясь к беспокойному состоянию*.) Что же это такое случилось на заводе... муж там, я так беспокоюсь, так беспокоюсь...

Лейтенант. Не беспокойтесь, госпожа Гавличек, мы все разберем. (*Кивает ей и уходит*.)

Ян и Любуша бросаются к Ванде.

Ян. Мама! Что за комедия! Опять какие-то перемены... что все это значит?

Ванда (*холодно*). Сейчас на заводе взорвали все агрегаты. Это (*показывает в сторону завода*) начало большого дела. Его организует твой отец. Через несколько дней будет взорвано все силовое хозяйство. Завод остановится. Отцу надо продержаться на заводе еще несколько дней, чтобы расправиться

с силовым хозяйством. Надо бояться вызвать подозрение у немцев. Ты — доброволец. Вот эту заметку надо поскорее снести в газету — она завтра должна быть непременно напечатана. Прочтите. (Передает заметку ошеломленным Яну и Любуше.)

Ян (читает). «Отец и сын». Так... (Оба восторженно смотрят на Ванду и бросаются к ней.)

Ванда (освобождаясь от объятий). Все поняли?

Ян и Любуша целуют ее.

Ян (восторженно). Вот настоящий пример и стойкости, и мужества, и патриотизма... Я горжусь такими родителями...

Любуша. Тетя, милая, а я-то мучила тебя разными намеками на холодность, безучастность...

Ванда. Ладно уж... (Яну.) Собирайся скорее и отправляйся на сборный пункт.

Ян (восторженно). Иду, иду! Мама! И папа, и ты — вы герои, родина не забудет вас...

Ванда. Какие там герои. Помни, что эти три-четыре дня ты должен быть хорошим, услужливым добровольцем.

Ян. Буду, буду! Только как же теперь с Вацлавом? Я тут сгоряча чорт знает чего наговорил ему!

Ванда. Да, это нехорошо. Он человек

опасный — всему нашему делу может навредить.

Любуша. Я улажу с Вацлавом... я сумею... Я сейчас приду. (*Быстро убегает.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же обстановка. Вечер следующего дня. Ванда сидит и просматривает газеты.

Любуша (*взволнованно ходит по комнате*). И как это ты можешь смотреть на эти газеты. Когда сегодня утром я увидела заметку о «патриотах» отце и сыне, у меня было такое чувство, словно меня больно ударили по лицу. Какой ужас! Бедный Ян! Как он теперь страдает там, в казармах...

Ванда. Чего же ему особенно страдать! После второго взрыва на заводе он уйдет со своими товарищами к партизанам. Только бы удалось все, как мы задумали...

Любуша. Я удивляюсь дяде. Он так спокоен, словно исполняет обыкновенную свою работу. Сколько у него силы воли, хладнокровия... сколько может этот человек...

Ванда. Если человек захочет, он все сможет. Только надо по-настоящему захотеть.

Любуша (*останавливаясь перед Вандой*). Вот и ты, тетя, тоже такая спокойная,

уверенная, твердая, недаром Ян назвал тебя героиней.

Ванда. Ну, куда мне. А твердой поневоле будешь, если это нужно.

Осторожно открывая дверь и оглядываясь, входит
Радислав.

Ванда (удивленно). Ты!..

Радислав. У меня пять минут времени. Зашел проститься.

Ванда. Как проститься?!

Почти вместе.

Любуша. Дядя, ты уезжаешь?

Радислав (Ванде). Очень просто — проститься. (Любуше, улыбаясь.) Уезжаю. милая. Слушайте, вышло так, что надо все кончать сегодня же. Завтра с утра меня перебрасывают на другой завод. Тогда сорвется все дело... Придется проводку для взрыва сделать собственными руками. Другого выхода нет. Взлетит цех, взлетит все силовое хозяйство... вместе со мной.

Любуша. А-а!

Радислав. Что делать?! Теперь уж не обо мне нужно думать, а о Яне. Надо его выручать. Он молод, голова у него хорошая, родине полезная. Надо постараться вырвать его из казармы сегодня же, а не то будет поздно... Следствие после взрыва может быстро навести на след... (Ванде.) Прощай, Ванда! (Кладет ей руки на плечи.) Не го-

рюй! Мы делаем большое дело, за него не жалко и умереть. Воспитай Владека как честного чеха... Расскажи ему об отце,— пусть знает и помнит. Меня не будет,— будет жить родина и, значит, будет жить наша борьба с проклятыми, кровавыми фашистами. Мы победим, это верно. (*Целует Ванду.*) Прощай, Любуша! Живите с Яном честно, заботьтесь о Владеке. Ну, все. Некогда мне. (*Пятится к двери. Обе женщины порываются что-то сказать.*) Ничего не говорите... ничего не надо говорить. Прощайте. (*Уходит.*)

Ванда смотрит ему вслед застывшим взглядом. Любуша тихо плачет. Длинная тяжелая пауза.

Ванда (*встрепенувшись*). А Владека все нет! Беспокоюсь я. (*Подходит к окну и смотрит на завод.*)

Любуша. Ты смотришь на завод.

Ванда. Тянет меня туда...

Любуша. А я думаю о Яне. Что если его там приковали? Говорят, они приковывают тех, кому не доверяют.

Ванда. Зачем им приковывать Яна?.. Пока у них нет оснований ему не доверять.

Любуша. Я боюсь Вацлава. Это такая гадина!

Ванда. Да, чех, который, как червь, ползает перед немцами, хуже немца.

Быстро вбегает Владек.

В л а д е к (подавая Любуше записку).
Вот!

Л ю б у ш а (читает). «Все готово, но казармы заперты. Придется усыпить внимание часового, а может быть, и снять его. Необходимо задержать Вацлава до полуночи». (Глядит на часы.)

В а н д а (с беспокойством). Думаешь, придет Вацлав?

В л а д е к. Я видел его сейчас. Он в кафе, тут на углу.

Л ю б у ш а (презрительно). Он ожидает десяти часов. Придет!

В а н д а (Владеку). Следи за ним, когда он из кафе выйдет, глаз с него не спускай... А как ты передал Яну записку?

В л а д е к (гордо). А, очень просто. Как ты велела мне. Я под окнами два раза мяукнул. Он выглянул в окно. Я завернул в записку камень и бросил ему в окно. Он тут же у окна прочел, потом бросил вот эту записку. Я ее не сразу поднял, потому что часовой обернулся. Я походил, походил, а потом подхватил и убежал.

В а н д а. Молодец! Теперь вот что. Когда ты увидишь, что Вацлав вошел к нам, беги на реку к переправе. Сиди там, пока не увидишь, что Ян переправился на ту сторону. Тогда беги скорее сюда. Если увидишь в окно, что мы не одни,— пройдишь по той сто-

роне улицы и крикни: «Живет родина!» Мы будем знать, что Ян с товарищами переправился. Понял?

Владек. Ну, еще бы! Все устрою. Будьте покойны! *(Убегает.)*

Любуша. Какой молодец Владек!

Ванда. Да, толковый. Почему ты уверена, что Вацлав придет?

Любуша. Вы же знаете о его «нежных» чувствах ко мне. Он сегодня, когда приходил за Яном, опять начал свои ухаживанья.

Ванда. Ты смотри, будь с ним осторожна. От такого всего можно ожидать.

Любуша. Не беспокойся. Я теперь кое-чему от тебя научилась... Только бы задержать его до полуночи.

Ванда *(подходит к Любуше и ласково обнимает ее.)* Осиротели мы с тобой.

Любуша. Может быть, дядя еще вернется.

Ванда. Нет, не такой он человек! Что сказал, то сделает. Сейчас я о Яне думаю... Только бы он освободился. Тогда и ты беги с ним. Вы оба молоды, здоровы, вся жизнь впереди, от вас может быть большая польза.

Любуша *(целует ее.)* Тетя! И ты с нами!

Ванда. Нет, стара я, сердце ослабело. Пользы никакой от меня, скорее помехой

буду. Вот Владека возьмите,— он пригодится.

Любуша. А как же ты останешься одна?

Ванда. А я отсюда вам буду помогать. Здесь я нужнее.. для связи.

Шум в передней.

Кажется, идет! Я уйду! Переправиться через реку знаешь как?

Любуша. Знаю! Знаю!

Ванда (прислушалась). Он! Смотри же, будь с ним осторожнее. (Быстро уходит.)

Входит Вацлав.

Вацлав. Добрый вечер! Куда это хозяйка понеслась?

Любуша. На завод. Дяде ужин понесла. Он сегодня работает ночью. Он так теперь занят, что почти не бывает дома.. А я думала, вы не придете.

Вацлав (манерно, глядя на часы). Ровно десять, даже без одной минуты.

Любуша (стараясь кокетничать). Ну, как же не сказать, что у вас немецкая точность!

Вацлав. А разве это плохо?

Любуша. Нет, конечно, хорошо. У немецкого народа вообще много хороших качеств.

Вацлав. Bravo, bravo... прогресс...

Любуша. Я только справедлива. Садитесь, будьте гостем.

Вацлав. Благодарю вас!

Садятся.

Любуша. Ну, расскажите мне о Яне. Хорошо ли ему будет в казармах?

Вацлав (обидчиво). Вас, повидимому, только это и интересует!

Любуша. Какой вы странный! Как вы не понимаете, что меня интересует все, что касается семейства Гавличек. Я выросла у них, у меня никого, кроме них, нет, они любят меня, как родную дочь. Ян — мой двоюродный брат. А тут еще время сейчас такое... необычайное. Дядю почти не выпускают с завода. Ян в казарме. Тетя Ванда с ног сбилась по хозяйству...

Вацлав. Ничего, пустяки, все образуется.

Любуша. Как он там? Успокоился?

Вацлав. О, безусловно! Кто к нам в казармы попадет, тот быстро успокоится!

Любуша. Он такой несдержанный!

Вацлав. Мы его сдержим! Хотя Ян... Ваше внимание к нему решает все дело. Конечно, если бы я не надеялся на изменение вашего отношения ко мне, я поступил бы с Яном сегодня совсем иначе...

Любуша (*перебивая его*). Я вам очень благодарна! Ну! Зачем нам ссориться. Ведь люди самых различных убеждений могут вполне сохранить человеческие, даже дружеские отношения. Ваш рассказ вчера о... о ваших настроениях... тогда на реке... вызвал во мне воспоминания... я об этом много думала...

Вацлав (*прижимая руку к сердцу и склоняя голову*). Мои чувства неизменны.

Любуша. К одному только я никак не могу привыкнуть — к вашему превращению...

Вацлав. Ах, Любушенька! Вы не можете себе представить, как я вырос за этот год. Я почувствовал себя совсем другим человеком. Я почувствовал, что я создан быть гораздо большим, чем я был. (*Вдохновенно.*) И теперь я чувствую в себе такое просветление, такую ясность...

Любуша. Что же вам стало ясно?

Вацлав. Как вам сказать? Я иначе взглянул на общество. Что такое люди? Это — толпа! Она полна грубых инстинктов... в ней нет ничего возвышенного, одна только животная жажда жизни... жить, жить и жить во что бы то ни стало.

Любуша. Но ведь и вам тоже хочется жить во что бы то ни стало.

Вацлав. Я — другое дело. Я стал выше толпы.

Любуша (*задумчиво*). А я знаю мно-

гих людей из толпы, которые жертвуют собой для отечества, для родины...

Вацлав. О, такие люди самые опасные. Они помешаны на идеях равенства, братства, коммунизма. А между тем — скажите мне, — чем отличается эта серая, однотонная, скучная толпа от животных, из которых мы приготавливаем себе ростбиф или бифштекс?

Любуша. Вы говорите так, словно вы работаете в трактире или на скотобойне.

Вацлав. Да ведь весь мир в сущности и есть скотобойня. Согласитесь сами — в известные промежутки времени кровопускание необходимо. Иначе эта бессмысленная толпа, которую в вашем любимом Советском Союзе зовут «широкими массами», расплодится так, что на земле не останется места для избранных и великих. Вот и сейчас с Востока движется на нас чудовище социализма. Это чудовище грозит нам дикостью всеобщего равенства. Наша культура должна быть спасена во что бы то ни стало! Мы, крестоносцы, создадим новый порядок в Европе, в Азии, во всем мире, если даже для этого понадобится залить весь мир кровью и усеять его трупами.

Любуша. Простите, но у вас прямо-таки звериная злоба против социализма. Словно вы не банковский служащий, а банкир, опасющийся за свои миллионы.

Вацлав. Ах, Любуша! Я понял, что мне суждено сыграть великую роль. *(Встает, с пафосом.)* Я чувствую в себе голос предков, который зовет меня на подвиг!

Любуша. Странно! Я слушаю вас, и мне начинает казаться, что передо мной не чех, а фашист, пропагандист гитлеровских идей. В вас не осталось ничего чешского.

Вацлав. Мы должны, наконец, признать, что немцы — выдающаяся раса. Они пронесли свой меч через всю Европу. Кто побеждает, тот властвует. И лучше быть с победителем, чем с побежденным.

Любуша. Вот и договорились. Это, по крайней мере, откровенно! Так вы устроились у победителей, чтобы...

Вацлав *(перебивая)*. Позвольте, позвольте...

Любуша *(не уступая)*. Но ведь Гитлер считает славян самой низшей расой, он зовет к завоеванию славянских земель, чтобы передать их германским помещикам... к уничтожению славян. Неужели это не задевает вашего национального чувства?

Вацлав. Но с Востока движется большевизм!

Любуша *(возбуждаясь все больше)*. Да, да, навстречу вашей звериной банде идет великий народ!

Вацлав *(не слушая)*. Любуша, успокой-

тесъ. Вы такая красивая, умная. Неужели вам суждено быть в толпе? Нет, нет! Ваше место с нами, с избранными. *(Берет ее за руку, она, скрывая отвращение, отодвигается.)* О, если бы вы согласились пойти за мной. Я бы сумел вывести вас на такие просторы жизни, я дал бы вам такое счастье! *(Пытается снова взять ее руку.)*

Любуша *—(освобождаясь)*. Оставьте, оставьте. Сейчас вернется тетя.

Вацлав *(увлекаясь)*. Она нам не мешает. Я так долго ждал встречи с вами, мне так давно хотелось открыть перед вами все величие вашего будущего. Подумайте, стоит вам сказать только одно слово,— и все для вас будет сделано. Только бы найти в вашей душе хоть маленький отклик на мои чувства!

Любуша отступает.

Любуша. Успокойтесь, пожалуйста!

Вацлав *(продолжая наступать на нее, с увлечением)*. Я слишком долго был спокоен!.. Сегодня, ради вас, я избавил Яна от верной гибели...

Любуша. Я вам за это очень благодарна.

Вацлав *(порывисто сжимая ее в объятиях)*. Мне мало вашей благодарности. *(Пытается ее поцеловать.)*

Любуша (стараясь освободиться). Пустите меня, пустите!

Вацлав (крепче сжимая ее). Я люблю вас. Ты должна быть моей, ты будешь моей...

Старается увлечь ее к кушетке, между ними происходит борьба.

Любуша, освободив руку, выхватывает у него из-за пояса нож и с силой вонзает ему в грудь. Вацлав падает, потом подымается и падает вновь. Любуша с отвращением отскакивает.

(Хрипло.) Проклятая! (Пытается кричать, но голос ему изменяет.) Жить... жить...

Любуша (шопотом). Гадина!

Вацлав вытягивается, вздрагивает всем телом и захихает. Долгая пауза. Любуша оцепенела. Под окном, четко отбивая шаги, проходит взвод немецких солдат. Это выводит Любушу из оцепенения.

Что теперь делать? Как быть? Хоть бы скорей пришла тетя!

В передней шум. Любуша растерянно прижимается к стене. Потом, овладев собой, идет навстречу входящему немецкому солдату, стараясь заперодить собой тело Вацлава.

1-й солдат. Любуша Гавличек есть?

Любуша. Это я. Что вам надо?

1-й солдат. Здесь должен быть господин Вацлав.

Любуша. Вацлав... Да... А что такое?

1-й солдат. Ему приказано немедленно прибыть в казармы.

Любуша (с беспокойством). В казармы? А что — разве там что-нибудь случилось?

1-й солдат. Не обязан я вам докладывать...

Любуша. Хорошо, я сейчас ему...

1-й солдат (заметив торчащую ногу Вацлава). А это что такое? (Приближаясь.) Господин Вацлав?! Должно, загулял с барышней! (Нагибаясь.) Да тут кровь! (Любуша быстро отходит в сторону. Солдат поднимает руку Вацлава, она выскользывает и падает. Оглядываясь снова на Любушу.) И на вас кровь! Да тут убийство! (Ощупывает Вацлава, толкает его.) Мертвый! (Бежит к дверям, сталкиваясь на пороге с Вандой. За дверью слышится его голос: «Человека убили! Убийство! Убийство!»)

Ванда (вбегает, видит лежащего Вацлава. Любуше.) Ты?!

Любуша. Да. Он хотел меня...

Ванда. Беги...

Любуша. А ты? Как ты?

Ванда. Беги! Беги скорее через эту комнату в сад, а оттуда на переправу...

Любуша. Я не могу оставить тебя...

Ванда. А я говорю — беги. Я тебе при-

казываю. Приказываю, как старший товарищ, как... Тебе туда надо, к Яну...

Слышен топот бегущих ног.

Любуша. Прощай!

Любуша убегает в соседнюю комнату. Входят унтер, 1-й и 2-й солдаты.

Унтер. Встать у дверей! Никого не выпускать! (Указывая на Ванду.) Взять под стражу! (2-й солдат становится у дверей, 1-й солдат подходит к Ванде, всматривается в нее.)

1-й солдат. Да это не та, господин унтер! Где же Любуша Гавличек? Она, должно быть, убежала.

Унтер (2-му солдату.) Догнать! Оцепить дом!

2-й солдат (выбегает в дверь.) Слушаюсь.

Из окна видно, что на улице собирается толпа. Слышны голоса: «Вацлава убили», «Вацлав убит». «Так ему и надо, предателю». Вбегает 2-й солдат.

2-й солдат. Господин унтер! Дозвольте с Фрицем. (Указывает на 1-го солдата.) Догнать Любушу Гавличек, потому я в лицо ее не приметил.

Унтер. Дурак! Что же ты раньше не сказал! Время упустили!.. Сюда пришлите

кого-нибудь караулить эту бабу. (Указывает на Ванду. Ванда неподвижно стоит.)

Ванда. Я никуда не убегу!

Унтер. Знаем мы вас!

Входят лейтенант и военный фельдшер.

Лейтенант. Убийца есть? Задержан?
(Фельдшеру, указывая на Вацлава.) Осмотреть.

Унтер. Задержана вот эта женщина.

Лейтенант (всматриваясь). Госпожа Гавличек? (Молча смотрят друг на друга.)

Унтер поднимает случайно брошенную Любушей записку Яна, смотрит и передает ее лейтенанту. Лейтенант медленно читает ее.

Лейтенант. Так. Записка из казарма Любуше Гавличек от господин Ян. Так все заговорщики?! (К Ванде.) Где Любуша Гавличек? (Ванда молчит.) Я вас спрашиваю — где Любуша Гавличек?

Фельдшер (лейтенанту). Дозвольте доложить, господин лейтенант. Господин Вацлав мертв.

Лейтенант. Превосходно... ах нет, я не так, как надо, сказал. (Оборачиваясь к Ванде.) Где Любуша Гавличек?

Ванда. Там, где ей нужно быть, чтобы спасти родину.

Лейтенант. Так вот ты как... Писала заметки в газет, а сама делала заговор против

великий народ! (*Хватает ее за руки и выворачивает их.*) Я заставил тебя говорить!

На улице усиливаются голоса, шум.

Ванда (*с силой вырываясь*). Поди прочь, палач! Не смей хозяйничать на чужой земле. А то и с тобой будет вот так же, как с этим предателем! (*Указывает на тело Ваулава.*)

Издалека слышны двенадцать ударов башенных часов. И вдруг гулко раздаются один за другим два страшных взрыва. Все шарахаются. В окно видно зарево начинающегося пожара. Все в замешательстве. Ванда почти восторженно бросается к окну и кричит:

Вот, оно, вот оно! Знайте все. Это мой муж, Радислав Гавличек, взорвал завод. Все ваши танки, пулеметы, пушки, все полетело... Мой сын Ян и моя дочь Любуша ушли в горы к партизанам, чтобы освободить нас от проклятых немецких палачей!

С улицы доносится шум, постепенно переходящий в одобрительный гул.

Лейтенант (*после оцепенения, услышав слова Ванды*). Молчать. Я тебя застреляйт, старая...

Ванда (*поддерживаемая гулом одобрения толпы*). Застрели, проклятый! Не боюсь я

тебя... Вместо меня придут молодые, сильные и разделаются с вами...

Лейтенант (кричит вошедшим солдатам). Взять ее...

Солдаты тянут Ванду к двери, она сопротивляется. В это время, перекрывая уличный шум, звонко раздается голос Владека: «Мама, живет родина!»

Ванда (радостно). Живет родина! Живет родина! (Ее вводят.)

В комнате остаются лейтенант, унтер, фельдшер, несколько солдат. В окна летят камни с улицы. С грохотом падают выбитые стекла. Все прижимаются к стенам.

Голос за окном. Разойдись! Разойдись!

Все сильнее комнату озаряет зарево пожара. Откуда-то издалека доносятся голоса демонстрантов. Они поют чешский национальный гимн.

З А Н А В Е С

Редактор В. Мотылевская

Подписано к печати 5/IX 1942 г.
Л75423. „Искусство“ № 2622.
Печ. л. 1⁵/₈. Уч. изд. л. 1,48.
Знаков в 1 п. л. 38.043.
Тираж 7000 экз.

Цена 90 к.

Тип. „Красный печатник“ Гос.
изд-ва „Искусство“, Москва,
ул. 25 Октября, д. 5. Зак. 1182.

11. 531.

76

90 к.

75

